

УДК 141.4

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ В ДИАЛОГЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА**Н. С. Щекин,***кандидат философских наук, доцент,
руководитель центра политической
и экономической социологии
Института социологии НАН Беларуси,*

Поступила в редакцию 14.04.17.

UDC 141.4

PHENOMENON OF TRADITION IN THE DIALOGUE OF CHURCH AND STATE**N. Shchyokin,***Head of the Center of Political and
Economic Sociology of the Institute of Social
Science of the NAS of Belarus, Candidate
of Philosophy, Associate Professor*

Received on 14.04.17.

В статье рассматривается традиция как универсальная форма фиксации и сохранения социокультурного и цивилизационного опыта. Определяется роль церкви в качестве ретранслятора социально-исторических традиций.

Ключевые слова: традиция, диалог церкви и государства, секуляризация, модернизация, «Западная стратегия», «консервативная модернизация», христианство, православие, инновация, мораль, духовность, восточнославянский мир.

In the article the author considers the tradition as a universal form of fixing and preserving the socio-cultural and civilizational experience. The role of the church as a carrier of socio-historical traditions is defined.

Keywords: tradition, dialogue between church and state, secularization, modernization, Western strategy, conservative modernization, Christianity, Orthodoxy, innovation, morality, spirituality, East Slavic world.

В современном мировом сообществе вне зависимости от национальных и государственных границ основными социальными регуляторами при всей противоречивости глобальных процессов продолжают оставаться традиции, опирающиеся на религиозные заповеди, обычаи, нормы права. Их регламентирующий потенциал весьма ощутим. Эту особенность традиции наглядно раскрывает Ж. Даниелу: «Ветхий Завет дал нам эсхатологическое толкование Исхода, показав его прообраз мессианских времен. Новый Завет провозгласил нам, что эта типология осуществилась в тайне Христа, который совершает Новый исход, возвешенный пророками, освобождая людей от власти Дьявола. Отцы Церкви, поддерживая оба эти толкования, будут в особенности показывать в Исходе прообраз великих событий жизни современной Церкви» [1, с. 201].

Традиции, в силу того, что пронизаны символическим содержанием, не следует воспринимать как консервативные костные и неизменные: «...можно говорить о традиции не только как о линейной связи внутри пространства и времени, но и как о системе, самостоятельно образующей особые пространственные структуры» [2, с. 45]. Более того, многие исследователи справедливо признают междисциплинарную значимость понятия традиций и необходимость перспективных исследований

в этой связи. Важно понимать, что они как социокультурные, этнические и цивилизационные феномены являются единственной формой фиксации и механизмом передачи смысловых компонентов, проходя селективный отбор на устойчивость и восприимчивость новаций, так как в широком понимании традиции должны обеспечивать преемственность, упорядочивание и структурирование социокультурного опыта. Благодаря этому традиции выполняют, как отмечалось ранее, свое практико-ориентированное назначение.

Исторические традиции в определенном смысле – святыня. Но это национальная святыня, национальное достояние. Британский мыслитель Т. Карлейль, размышляя об этом феномене, в известном своем труде о героях привел историю с башмаками писателя С. Джонсона, смысл которой в том, что любящие его сокурсники купили и тайком поставили под дверь хорошие башмаки. А он, найдя их, выбросил в окно. По этому поводу Томас Карлейль сделал такой вывод: «Будем ходить в таких башмаках, какие мы можем сами добыть себе, в мороз и по грязи, но только открыто, не стыдясь; будем опираться на реальность и на сущность, которые открывает нам природа, а не видимость, не на то, что она открывает другим, не нам» [3, с. 145]. Такого рода ригоризм представляется вполне оправданным и в рамках современной действительности.

Ведь традиции, если можно так выразиться, самоотжественны и не могут «выйти за собственные пределы». Все попытки искусственно навязать нации не свойственные ей исторические образования рано или поздно отторгаются как инородное тело. Поэтому важно констатировать философско-методологический статус адекватного понимания исторических традиций, ибо последние представляют собой не просто один из многочисленных феноменов человеческой деятельности, но и квинтэссенцию национального духа, воплощение устойчивого гармоничного существования этноса.

Наши исследовательские изыскания не были бы достаточными, если бы мы не артикулировали процессы, которые в той или иной степени сопровождают светскую и религиозно-культурную жизнь с присущими ей историческими традициями. Речь идет о влиянии на них процессов модернизации, которые достаточно остро ставят вопрос о судьбе традиции в изменяющемся социуме.

Модернизация может быть представлена как системой научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов на национальные цели и приоритеты развития, в основе которых находятся национальные ценности, так и обновленной стратегией на долгосрочную перспективу, задающей ключевые направления движения общества и государства, а следовательно, предполагающей опережающее отражение общественных процессов.

Процесс модернизации в Европе занял несколько столетий. Традиционно выделяют три периода модернизации: конец XVIII – начало XX в., 20–60-е гг. XX в. и, наконец, 70–90-е гг. XX в. [4]. Особо подчеркнем, что модернизация как некий социальный и комплексный феномен возникла, по словам М. Вебера, благодаря внутрехристианскому конфликту католицизма и протестантизма с его трудовой этикой [5]. Более того, можно согласиться и с позицией В. М. Кулагина, что процесс модернизации не завершен, да и в принципе завершен в ближайшее время быть не может, так как естественным следствием и его апологетом является глобализация [6].

Поскольку светская и религиозная жизнь христианской цивилизации в прошлом и настоящем тесно переплетены, постольку закономерно возникает вопрос: в какой степени модернизация находится в конфликте с верованиями традиционных религий? Можно говорить о некотором приближении к модернизации религии, и то при условии незыблемости основ их верования и социально-культурных традиций. Конечно, саму традицию модернизировать нельзя. Ее приверженцы могут гибко про-

являть свою ментальную реакцию и либо воспринимать, либо не принимать инновации, поскольку она во многом определяет идентичности индивида и социальной общности. Именно эту особенность описал Э. Гидденс: «...отличительные характеристики традиции – это ритуальность и повторяемость» [7, с. 58]. Однако пробуждение у современного человека в условиях глобализации чувства зависимости от других людей и потребность в реализации себя как полноценного члена общества являются почвой для возникновения диалога между людьми, представляющими разные цивилизационные регионы, культуры, религиозные конфессии. Следовательно, потребность в диалоге в современном мире является универсальной и приобретает императивный характер, что касается в том числе диалога церкви и государства. Но в процессе диалога задача достижения консенсуса предполагает движение навстречу друг другу, а следовательно, необходимость модернизации исходных позиций, в данном случае традиции.

Несомненно, благодаря модернизации в разных ее проявлениях с древних времен можно говорить только о росте материального уровня развития цивилизации. Что же касается традиционной религии, то она вступает в противоречие с самими принципами цивилизации модерна [8]. Впрочем, никто не может оспаривать значимые достижения Запада в модернизации, подразумевая ее техническую составляющую. Неслучайно в докладе на XI Всемирном русском народном собрании 5 марта 2007 г. митрополит Кирилл говорил о признании того факта, что иного пути технического развития, который уже прошел Запад, не существует.

Модернизация призвана усиливать экономическую, военную, политическую мощь общества. Но в кризисные периоды своего развития оно обращалось с надеждой и даже с упованием к своей духовной культуре, черпая силы в своих традициях. Это и являлось условием зарождения поливариантности социального развития мира. Социальная вариативность в разных традициях проявлялась и развивалась в форме различных моделей.

Первая модель, «Западная стратегия», предполагающая модернизацию общества и в соответствии с ней корректировку ценностных ориентиров, привела к перманентному реформированию (трансформации) западноевропейского общества. Такой широкомасштабный реформизм нивелировал большинство возможностей диалога с незападными культурами. В ней церковь стала заложником реформированного сознания цивилизации Запада.

Вторая модель основывалась на синтетическом подходе. Мы говорим о восточнохристианском мире, именуемом иногда православной цивилизацией. Она предполагает диалектику модернизации и традиций, хотя здесь можно говорить и о догоняющей модернизации в восточнославянском ареале с одновременным сохранением светских и религиозных институтов с характерным для них приоритетом традиционной системы ценностей.

Надо отметить, что как таковая модернизация всегда была связана с тенденциями секуляризации образа жизни и вызвала своего рода протест, что было предпосылкой масштабного возрождения религии и отторжения придаваемых в угоду исторической конъюнктуре новых светских, как правило, инородных ценностей. Парадоксальность современного цивилизационного развития заключается в попытке реставрации «священных» основ самой организации общества в условиях формирования новых механизмов взаимодействия социальных субъектов, в частности государства и церкви. Десекуляризация мира породила всплеск интереса к религии, а значит, и поиск принципиально новых форм и методов диалога государства и церкви. В контексте мировых тенденций обращение нашего современника к традициям можно трактовать как новый способ восприятия мира, «уставшего» от воздействия вызывающей беспокойство обволакивающей человечество паутины глобализационных процессов. На первый взгляд это фантастический и амбициозный проект мировой истории. Но нельзя забывать, пишет Ф. Фукуяма, что «общество может воздействовать на социальные процессы с помощью культуры, через неформальные правила и обычаи, которые не находятся под чьим-либо официальным контролем» [9, с. 178].

Обращаясь к истории нашего народа, необходимо отметить, что православная этика и православная духовность определяли судьбу белорусского общества, да и всего славянского ареала. Православная церковь стала хранительницей ценностей и традиций. Сегодня можно говорить, что православие как субстрат традиционных общечеловеческих ценностей и социально-культурное явление способствует развитию самосознания славянских народов в условиях глобализации и выступает в роли одного из факторов интеграции славянского мира. Поэтому можно утверждать, что православной церкви принадлежит особая роль в развитии современного белорусского общества и сохранении национальной идентичности нашего народа.

Так, в новейшей истории наблюдается перестройка взаимоотношений церкви

и государства как в Беларуси, так и других странах, причем подобные трансформации относятся ко всему христианскому миру. Как отмечает архиепископ Тадеуш Кандрусевич, «в недалеком прошлом в отношении церковь – окружающий мир подчеркивалось их взаимное разделение. Понятие церкви часто сводилось к ее иерархической структуре. Сама же церковь старалась не идентифицировать себя с окружающим миром, воспринимаемым как грешное человечество. Поэтому церковь видела себя не столько находящейся в мире, сколько рядом с ним» [10, с. 11]. В настоящее время, когда общие христианские ценности выступают в качестве одной из основ отношений общества и церкви, происходит осознание общих интересов и возможностей сотрудничества в целях их удовлетворения. Подобное совпадение интересов государства и церкви прослеживается прежде всего в сфере духовно-нравственного развития общества, в которой очевидна необходимость взаимодействия государства и гражданского общества, компонентом которого является церковь. Ведь она такой же живой организм, как и государство, где традиции выполняют функцию средства социальной коммуникации, и приобретает общезначимый характер в иницировании новой диалогичной модели государства и церкви.

Если говорить о модернизационных процессах, происходящих в мире, то в целом православие может выступить в качестве одного из акторов сохранения традиций и вести прямой диалог с государством, отстаивая традиционные ценности. Они могут быть основой для внедрения в современную жизнь необходимых для развития общества новаций, но это неоднозначная зависимость, которая состоит в следующем: «Православие не может стать “ресурсом” модернизации, так как модернизация – деятельность земная и преходящая (к которой вера отношения не имеет), но вполне может стать ее основой, сделав базисом модернизации вековые ценности и нормы...» [11, с. 202]. Таким образом, можно говорить о «консервативной модернизации» православия и православного мира. Ведь на Западе модернизационные процессы были связаны непосредственно с закреплением частной собственности и свободного труда, которые трансформировались в легитимные институты.

Когда речь идет о взаимодействии традиций и новаций, важно исходить из цивилизационной и социально-культурной специфики тех обществ, которые рассматриваются. Это требование конкретно-исторического подхода к анализу социальных явлений. Так, на своеобразии традиций православия, характерного

для восточнославянского мира, оказывал влияние факт, что этот мир продолжительное время не знал ни частной собственности, ни свободного труда. Поэтому следует согласиться с мнением А. С. Лаптёнка, который небезосновательно утверждает, что: «...православие, пожалуй, в большей степени, нежели западная ветвь, опирается на различные формы традиционной культуры. Здесь более сильно звучат мотивы коллективности, соборности. Становление человека культуры в данном случае шло с большим креном на внешние механизмы регуляции жизни человека с явной опорой на различные авторитеты, будь это авторитет Бога или авторитет традиции» [12, с. 132–133]. Моделью общественной жизни был монастырь с его киновией – общинной жизнью. Фундирующим основанием ее были общественная собственность, совместная работа, бедность и смирение. Этический идеал – тихая жизнь в благочестии, сам труд воспринимался как честное, добровольное исполнение обязанностей и приравнивался к «духовному деланию».

Западнохристианская же традиция несет на себе отпечаток институализированного механизма принуждения в делах веры, не исключая насилие (инквизиция). И так как «христианство ассоциировалось с католической церковью, идея свободы преимущественно оформлялась вне христианства и во многом как антиклерикальное и антихристианское движение» [13, с. 24]. По этой причине юридическое оформление естественных прав человека, в частности права на свободу, не было гармонизировано с нравственными нормами, что придавало им формально-рациональный характер. Следствие этого, по нашему мнению, – размытые критерии ответственности человека, а философия прав человека стала легким инструментом в оправдании насилия, во всех его проявлениях, начиная с культа наживы и заканчивая насаждением нетрадиционных отношений между людьми.

Нельзя оспаривать тезис о том, что государство и церковь имеют различную природу, цели и задачи. Но это не исключает их сотрудничества, принимая во внимание византийскую традицию церковно-государственных отношений, которой следует православная церковь. Между тем отношения церкви и государства усложняются, иногда между ними возникают разногласия, причем зачастую в их основе находится несовпадение светского и церковного понимания «свободы совести» как парадигмального принципа современного диалога государства и церкви в контексте традиционных отношений. Усложнение этих отношений, как и усложнение отношений между церквями внутри христианского мира, проявляется в воз-

никновении и других проблемных ситуаций. В частности, мы уже говорили о последствиях проникновения ценностей постмодерна в общественное сознание, что способствует размыванию национально-культурной и конфессиональной идентичности и негативно сказывается на состоянии духовности общества. В данном случае диалог между христианством и исламом может быть полезным в поддержке традиционных ценностей человечества, тем более что он может помочь самим христианам преодолеть существующее между ними непонимание друг друга. Дело в том, что хотя христиане сохраняют верность библейской традиции, им все труднее апеллировать к ней и отстаивать свою позицию из-за различной трактовки этой традиции. Действительно, «нетрудно заметить, что главной чертой, отличающей восточное христианство в его подходах к социальной и этнической проблематике, была склонность считать человека уже искупленным и прославленным во Христе. Западный же христианский мир традиционно понимал нынешнее состояние человечества и реалистичнее и пессимистичнее: пусть в очах Бога человек и был искуплен и “оправдан” жертвоприношением на кресте, все же человек остается грешником» [14, с. 304].

История свидетельствует, что принципы христианской морали всегда рассматривались через призму ситуативной необходимости и в общественном пространстве занимали столько места, насколько нравственно зрелым было общество. Историческая зрелость любого общества проявлялась в способности быть творцом своей судьбы и выстраивании таких социальных отношений, которые были призваны развиваться в направлении диалога между всеми социально-историческими субъектами. И именно модернизация должна способствовать укреплению многонациональной и поликонфессиональной общности, росту национального самосознания социума и его способности к национальной самоидентификации. Но модернизация культурного пространства выявляет множество альтернативных вызовов христианскому миру, что мы и наблюдаем в западноевропейской цивилизации. В восточнославянском мире целесообразным и продуктивным представляется осуществление модернизации на основе системы православных ценностей, ориентированных на духовное развитие человека.

Таким образом, традиции имеют бифункциональное назначение. С одной стороны, их можно рассматривать как регулятор отношений в обществе, а с другой – как неотъемлемое условие закрепления социокультурного опыта. Примечательна ситуация, связанная с разви-

тием традиций и прослеживаемая в контексте цивилизационной динамики христианства. Традиции – живая ткань общественной жизни, обеспечивающая преемственность культурно-исторического процесса. «Традиция – это взаимосвязь между равномерными процессами, гарантия преемственности при переходе от прошлого к настоящему и будущему» [15, с. 40]. С возникновением христианства и появлением церкви в европейской истории начинается новая эпоха. Церковь не только аккумулировала опыт человечества, но и явилась своеобразным, а зачастую единственным хранителем традиции, одновременно выступая самой традицией. Она, по характеристике А. Тойнби, сыграла роль яйца, личинки и куколки [16, с. 518]. Важно, что церковь получила принципиальную возможность функциониро-

вать наряду со светскими институтами, поэтому явилась своеобразным законодателем в сохранении и приумножении традиций, то есть церковь как хранительница традиций проявила также конструктивную роль традиции в общественном развитии.

В заключение отметим, что есть вещи, которые непозволительно отнимать у людей, – национальное самоопределение и язык, на котором говорит народ, то, что в конечном счете составляет душу народа. Вдохновляющую любовь к своему народу, своему языку, своей культуре постоянно демонстрировала церковь, разделявшая свою судьбу с судьбой народов, исповедующих данную религию. Христианство и церковь и стали «языком» Европы, а значит, в известной мере выразителем и хранителем традиций европейских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниелу, Ж. Таинство будущего: исследования о происхождении библейской типологии / Ж. Даниелу / пер. с фр. В. Н. Генке; под общ. и науч. ред. А. Г. Дунаева. – М.: Моск. Патриархия Рус. Православ. Церкви, 2013.
2. Балакина, Н. А. Традиция в кластере современных понятий / Н. А. Балакина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 17. – С. 44–46.
3. Карлейль, Т. Теперь и прежде: перевод: сборник / Т. Карлейль; сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1994.
4. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров. – М.: Моск. гос. ун-т дизайна и технологий, 2010.
5. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М., 1994. – С. 43–77.
6. Кулагин, В. М. Поиск нового качества глобализации / В. М. Кулагин // Мир и Россия на пороге XXI века: вторые Горчак. чтения, Москва, 23–24 мая 2000 г. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – М., 2001. – С. 87–94.
7. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004.
8. В Афинах прошла конференция «Ценности и принципы для созидания Европы» // Информ. бюл. Отд. внеш. церков. связей Моск. Патриархата. 2003. – № 5. – С. 51–53.
9. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: Ермак: АСТ, 2003.
10. Тадеуш Кондрусевич. Соборный взгляд на взаимоотношения между Церковью и окружающим миром (диалог) // Теология. – 1993. – № 5. – С. 11–25.
11. Церпицкая, О. Л. Православная духовная миссия и глобальные модернизационные процессы / О. Л. Церпицкая. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011.
12. Лаптынок, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптынок. – Минск: Нац. ин-т образования, 1999.
13. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ. / авт. предисл. П. С. Гуревич. – М.: АСТ, 2002.
14. Иоанн Мейендорф. Византийское богословие: исторические тенденции и доктринальные темы / пер. с англ. В. Марутика. Минск: Лучи Софии, 2001.
15. Щипков, А. В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03 / А. В. Щипков; Моск. гос. ун-т. – М., 2016.
16. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: пер. с англ.: сборник / сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; заключ. ст. Е. Б. Рашковского / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991.

REFERENCES

1. Danielu, Zh. Tainstvo budushchego: issledovaniya o proiskhozhenii bibleyskoy tipologii / Zh. Danielu / per. s fr. V. N. Genke; pod obshch. i nauch. red. A. G. Dunayeva. – M.: Mosk. Patriarkhiya Rus. Pravoslav. Tserkvi, 2013.
2. Balakina, N. A. Traditsiya v klasterе sovremennykh ponyatiy / N. A. Balakina // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. – 2014. – № 17. – S. 44–46.
3. Karleyl, T. Teper i prezhde: perevod: sbornik / T. Karleyl; sost., podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoy. – M.: Respublika, 1994.
4. Gavrov, S. N. Modernizatsiya Rossii: postimperskiy transit / S. N. Gavrov. – M.: Mosk. gos. un-t dizayna i tekhnologiy, 2010.
5. Veber, M. Khozyaystvennaya etika mirovykh religiy / M. Veber // Izbrannoye. Obraz obshchestva: per. s nem. – M., 1994. – S. 43–77.
6. Kulagin, V. M. Poisk novoko kachestva globalizatsii / V. M. Kulagin // Mir i Rossiya na poroge XXI veka: vtoroye Gorchak. chteniya, Moskva, 23-24 maya 2000 g. / Mosk. gos. in-t mezhhdunar. otnosheniy (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii. – M., 2001. – S. 87–94.
7. Giddens, E. Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn: per. s angl. / E. Giddens. – M.: Ves mir, 2004.
8. V Afinakh proshla konferentsiya "Tsennosti i printsipy dlya sozidaniya Yevropy" // Inform. byul. Otd. vnesh. tserkov. svyazey Mosk. Patriarkhata. – 2003. – № 5. – S. 51–53.
9. Fukuyama, F. Velikiy razryv: per. s angl. / F. Fukuyama. – M.: Yermak: AST, 2003.
10. Tadeush Kondrusevich. Sobornyy vzglyad na vzaimootnosheniya mezhdu Tserkovyu i okruzhayushchim mirom (dialog) // Teologiya. – 1993. – № 5. – S. 11–25.
11. Tserpitskaya, O. L. Pravoslavnaya dukhovnaya missiya i globalnyye modernizatsionnyye protsessy / O. L. Tserpitskaya. – SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2011.
12. Lapyonok, A. S. Nravstvennaya kultura obshchestva: preymstvennost i novatsii / A. S. Lapyonok. – Minsk: Nats. in-t obrazovaniya, 1999.
13. Toffler, E. Shok budushchego: per. s angl. / avt. predisl. P. S. Gurevich. – M.: AST, 2002.
14. Ioann Meyendorf. Vizantiyskoye bogosloviye: istoricheskiye tendentsii i doktrinalnyye temy / per. s angl. V. Marutika. – Minsk: Luchi Sofii, 2001.
15. Shchipkov, A. V. Liberalizm i sotsial-konservativizm v sovremennom ideologicheskom diskurse: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.03 / A. V. Shchipkov; Mosk. gos. un-t. – M., 2016.
16. Toynbi, A. Dzh. Postizheniye istorii: per. s angl.: sbornik / sost. A. P. Ogurtsov; vstup. st. V. I. Ukolovoy; zaklyuch. st. Ye. B. Rashkovskogo / A. Dzh. Toynbi. – M.: Progress, 1991.